

Сочинения Барона Брамбеуса // Советская Россия, Москва, 1989
ISBN: 5-268-00084-5
FB2: , 06.02.2015, version 1.0
UUID: 8F81B757-CE0B-401D-88C3-C2B7C7DDC705
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Осип Иванович Сенковский

Петербургские нравы

Содержание

#1	0005
ПЕТЕРБУРГСКАЯ БАРЫШНЯ	0005
ЛИЧНОСТИ	0017
ЧЕЛОВЕЧЕК	0024
МОЯ ЖЕНА	0033
АРИФМЕТИКА	0042
ЗАКОЛДОВАННЫЙ КЛАД	0065
АУКЦИОН	0077

О. М. Сенковский

**СОЧИНЕНИЯ
БАРОНА
БРАМБЕУСА**

ПЕТЕРБУРГСКАЯ БАРЫШНЯ

Посмотрите, посмотрите!.. Вот она!.. В городе-наплевом клоке с двумя длинными зубчатыми воротниками, украшенными широкою гирляндю, вышитою шелком, в малой атласной шляпке розового цвета с черною бархатною подкладкою!.. Вчера только пришел по почте обожаемый журнал «La Mode»: сегодня уже видите вы на ней точно такой клок и такую шляпку, какие предписаны модою. Она выбежала из Английского магазина и верно спешит к Ланггансу. Вот она входит в его лавку!.. вот уже исчезла!

А, право, жалко, что вы не успели ее завидеть!.. Не дурна собою!.. не если вам угодно постоять здесь минут десять, то мы еще увидим ее, когда от Лангганса будет она проходить к мадам Кзавье или к Сиклер... Очень недурна собою!.. Нельзя сказать, чтоб она была красавица: не она мила, привлекательна, прелестна. Немножко бледна — здесь такой климат! — черты лица ее не слишком правильны — довольно странно в таком правильном городе, как здешний! — глаза серо-

ваты, грудь несколько плоска, волосы почти белые... не зато талья, зато ножка!.. хоть пиши с них картину. Вы, наверное, где-нибудь ее видели: бьюсь об заклад, что вы не раз встречали ее и в марте месяце на Невском проспекте, и в мае месяце в Летнем саду; встречали на островах, в магазинах и даже в Гостином дворе. Вспомните!.. Она ходила, держась под руку, с этой жеманною гувернанткой, швейцаркою, которая на улице так громко рассуждает о добродетели и так сладко улыбается офицерам...

— О ком вы говорите?..

Да о той — знаете! — за которою вечно переваливается по тротуару госпожа пожилых лет, низенькая, толстая, гордая, в темно-пунцовом капоте и плюшевой шляпке с перьями, в шеншиловом палатине[1], с шеншиловою муфтою, с бородавкою, с собачкою; позади ее два дюжие лакея в полинявшей ливрее, обшитой новым басоном[2] с гербами... которая всегда одета так щегольски, так богато, с таким вкусом... Вы сами, помнится, еще говорили об ней: какая шалость, какая необдуманная роскошь таскать в дождь и грязь дорогие

атласы, меха, блонды[3]!.. Ну, коротко сказать, вы ее знаете и не могли не заметить в нынешнем году на всех почти гуляньях!..

— Кого, однако ж?

Санктпетербургскую Барышню!.. Фамилия ее мне неизвестна, не имя ее Надежда: я слышал, как эта толстая, пожилая госпожа с шеншиловою муфтою — эта санктпетербургская маменька — зовет ее по-французски: Наденька, Наденька, ne courrez pas si vite!.. Esperance! vous minaudez comme une[4] кукла!.. Наденька, vous sautez, mon petit pigeon, comme un[5] рябчик!.. Да и вы слышали это.

Ей теперь от роду восемнадцатый год по счету маменьки, а двадцать четвертый по счету петербургских приятельниц. Взяв среднее число, найдете настоящий ее возраст — двадцать два года и четыре месяца.

Но как ее отчество?.. Без сомнения, Васильевна, Александровна, Ивановна, Петровна, Андреевна или, в самом уж крайнем случае, Сергеевна. И здесь вернее всего взять среднее число: по этому правилу выйдет, что ее зовут Надеждою Ивановною.

Итак, Надежда Ивановна или, общим тер-

мином. Петербургская Барышня еще довольно молодая девица. не уже пора ей замуж. Маленька ищет для нее мужа по всему городу: ищет его поутру в Английском магазине, ищет в два часа на гулянье, ищет ввечеру на бале. По сию пору дна еще не нашла никого. Любезные земляки по уезду! Зачем не подсунетесь вы к Петербургской Барышне?.. Можете ей понравиться, можете получить руку ее: конкурс открыт для всего света.

Боятесь ли того, что она привыкла к роскоши?.. что ее приучили забирать в магазинах товары в долг без счету?.. Пустое!.. Это делается только для того, чтоб показать богатство и скорее найти жениха. Она сама сожалеет об этой ложной и пагубной уловке своих родителей.

Похлопочите: ей-ей, прекрасная партия!.. Во-первых, Петербургская Барышня тиха, как кошечка; скромна — очень скромна!.. она краснеет, когда ой приходится сказать слово нога, а слова подвязка не выговорит она вам ни за какое благо в мире. Да какая она чувствительная!.. Я сам видел, как она плакала в театре при представлении «Антонии», «Фи-

липпа», «Матери и дочери — соперниц»[6], хотя не понимала ни одного слова в этих пьесах. Теперь в моде возить молодых девушек на все романтические драмы и давать им в руки все романы новой парижской школы, с условием только, чтоб они их не понимали. Сверх того, какая она застенчивая с мужчинами!.. она не умеет сказать им ни трех слов, хотя прекрасно знает три иностранных языка: французский, английский и немецкий — русского и считать нечего, потому что это язык природный, то есть она знает по-русски столько, сколько ей нужно, чтоб объясняться с горничною и приторговать пять аршин тюлю в Гостином дворе. Санктпетербургская Барышня держится прямо и раздает милостыню с особенною прелестью. В кадрили и голопаде она легче бабочки; верхом, на лошади, тверже гусарского ротмистра, ибо дважды в неделю упражняется она в манеже с кузенком Леонидом. На арфе играет она немножко, не на фортепьяно — первой силы! Мейер дает ей уроки по сю пору, а прежде училась она даже у Фильда. Хотя голос у нее слабый, не она приятно поет итальянские арии и придерживает-

ся партии антироссинистов. Она превосходно рисует ландшафты, цветы, носы, уши, головы и даже Аполлонов. Одним словом, она получила самое блистательное воспитание, такое, как теперь дают девушкам в Париже, и смело можно сказать, что лучше воспитанной невесты не найдете вы в целой Европе.

Но воспитание — безделица!.. Надежда Ивановна имеет еще другие отличные качества. За нею обещают дать в приданое тысячу пятьсот душ на Волге, которые папенька только вчера заложил в банке. Кстати, мы ничего не сказали о папеньке Петербургской Барышни. Да об нем нечего сказать: он, вероятно, действительный статский советник, как все папеньки хорошего тона; числится по герольдии и теперь играет в вист в Английском клубе. Он ничего не делает и давно уже уехал бы в Москву или в деревню, если бы удалось выдать дочь за кого-нибудь.

Кроме приданого, которое отдается не прежде, как по смерти отца, получите вы за Наденькою тотчас еще пять дюжин дядюшек, тетюшек, бабушек и целый взвод двоюродных и внучатных братьев. Это не шутка!.. При по-

мощи их можете отличиться. Я уверен, что по общему положению о петербургских барышнях в числе ее дядюшек должны быть по крайней мере два генерала и три камергера [7]; один двоюродный братец в пажах, а крестный отец ее непременно кто-нибудь из важнейших вельмож. Право, не дурно!..

В городе утверждают, по секрету, будто Надежда Ивановна влюблена в одного молодого поручика, и миловидного, и храброго, и богатого, и хорошей фамилии, и порядочно воспитанного: по крайней мере, она преимущественно с ним танцует на всех балах. Я уже слышал от многих почтенных пожилых дам, что это была бы прекрасная пара. Но, я думаю, это сплетни. Спешите, спешите!.. еще ничего не сделано, еще можете перебить ее у поручика. По чести, завидная партия!..

Скажу вам даже, к кому надо адресоваться: к маменьке, потому что папенька думает только о хомутах и о висте, и к тетушке Марфе Тимофеевне. Это всеобщая петербургская тетушка, без которой ни один брак в городе не смеет состояться. Маменька и тетушка ужасно как любят Петербургскую Барышню:

при всяком рассуждении о счастье и чувствах они торжественно объявляют, что ищут для Наденьки не денег, а доброго, кроткого супруга, с которым она могла бы быть счастливою. Ну, где найти других таких благоразумных тетушек и нежных маменек! Это следствие непрерывного чтения романов.

Ах, как вы ленивы!.. Я бы усердно желал, чтоб вы на ней женились, потому что одни вы в состоянии составить ее счастье согласно романическим понятиям маменьки и тетушки: у вас нет денег, а такие мужья тихи и безмолвны, таких именно ищут для Наденьки, — а вы, по своей медлительности, нерешимости, выпустили почти из рук и прекрасную невесту, и большое приданое, недавно заложенное в банк, и наличными пять дюжин покровителей, покровительниц, советников и домашних друзей!.. Жалко!.. Вот, сегодня с самого утра пожилые дамы и старые девицы уже бегают по городу с важной новостью, что дело решено: Наденька будет счастлива — она выходит замуж за того, кого любит и кем пламенно любима, за того самого милостивого, храброго и богатого поручика, с которым

танцевала она на балах. — не верно ли это?.. — Могу вам в том поручиться. — Мне что-то не верится! — Вот мило!.. Кто лучше меня и тетушки, Прасковьи Ильиничны, знает эти дела? Она сама видела у мадамы подвечное платье. — Когда же свадьба? — Послезавтра, в семь часов вечера, в Казанской.

Ежели так, я очень рад. Я люблю Петербургскую Барышню. Она девушка добрая, несмотря на все недостатки воспитания, данного ей родителями, не знающими в том никакого толку; несмотря на дурные примеры необузданной роскоши, тщеславия, вспыльчивости, гордости, домашнего беспорядка, которыми она была окружена с малолетства даже под отцовскою кровлею, душа ее осталась неразвращенною, невинною, чистою как зеркало, мягкою как воск. От всего сердца желаю ей счастья, которое она заслуживает в полной мере, и радуюсь, что она будет счастлива. Пойду непременно посмотреть, как будут венчать ее в Казанской церкви.

Вот уж и послезавтра, и семь часов вечера. Иду на свадьбу Наденьки. Скорее, скорее!.. Они уже стоят у наоя. Хочу, во что бы то ни

стало, видеть ее в эту торжественную минуту: нет в мире существа счастливее, священнее, почтеннее добродетельной девицы, присягающей перед лицом бога, с сердцем, исполненным теплой веры быть верною тому, кого она обожает, и любить его до гробовой доски. Это для нее минута небесной сладости: хочу непременно луч этой сладости увидеть в ее глазах, чтоб иметь понятие о блаженстве херувимов.

Но где она?..! Что это?.. что я вижу?.. Наденька без чувств!.. Боже мой!.. А жених стоит равнодушно, как гранитный столб!.. Надо расспросить: вот, кажется, знакомые дамы! — Мое почтение, сударыни! Вы тоже любопытствовали видеть свадьбу Петербургской Барышни? Сделайте одолжение, скажите, что это за суматоха?.. Что такое случилось?..

— Бедная Наденька!..

— Что?.. как?.. почему?..

— Упала в обморок, почувствовав свою руку в руке будущего своего супруга!.. Какое варварство!.. отдавать на жертву такое милое, доброе дитя!.. Мать, наверное, виновница всего этого, потому что тетка — добрая женщина.

— В чем же дело?

— В том, что ее насильно заставляют выйти замуж за этого пожилого господина, что в парике и со звездой... за барона фон... фон... Право, и фамилии его не вспомнишь!..

— А поручик?

— Поручику отказали, потому что у него нет звезды и он не может ездить с женою ко двору.

— Однако ж мать всегда повторяла, что она не ищет богатства...

— Она и не нашла его в новом зяте: напротив, он женится на ее дочери единственно из-за предполагаемого огромного приданого; не у него есть звезда, и по своему чину он, вероятно, будет приглашен с женою в придворный театр. Мать говорит, что без этого нельзя быть счастливою; что она сама весь свой век горевала о том, что муж ее не умел возвыситься и не доставил ей этого отличия; что для прикрытия своего унижения в глазах дам, равных ей в других отношениях, она принуждена была жить пышно, затмевать их роскошью, делать долги, разорять мужа и детей...

Бедная Наденька!.. Несчастное дитя често-

любивой матери и глупого отца!.. А у нас таких родителей тьма-тьмущая!.. Довольно с меня этого: в другой раз не пойду на свадьбу Петербургской Барышни.

Впервые: Северная пчела. — 1833. — № 4.

ЛИЧНОСТИ

Однажды в шутку закричал я на улице: «Вор! Вор!.. Ловите!..» Десять человек оглянулось. Один из них, входя в питейный дом, проворчал так, что я сам расслышал: «Ну, как у вас позволяют говорить на улице такие личности!..»

Мой приятель, барон Брамбеус, шел по Невскому проспекту и думал о рифме, которой давно уже искал. Первый стих его оканчивался словом куропатки: второго никак не мог он сострять. Вдруг представляется ему рифма, и он, забывшись, произносит ее вслух: куропатки?.. берет взятки! Шесть человек, порядочно одетых, вдруг окружили его, каждый спрашивает с грозным видом: «Милостивый государь! О ком изволите вы говорить?.. Это непозволительная личность».

В одной статье сказано было: «Есть люди, которые никогда не платят своих долгов». Я прочитал эту статью поутру и глубоко вздохнул. Вечеру прихожу в одно общество: там

читают эту же статью, и первое слово, которое слышу в зале: «Боже мой! За чем смотрит у нас цензура?.. Как можно пропускать такие личности!..»

Напиши или скажи какую-нибудь истину — из нее тотчас выведут тебе две сотни личностей. Это обыкновенный порядок вещей на свете, не порядок весьма глупый!

Есть люди, у коих самолюбие такое огромное, такое раздутое, гордость такая колоссальная, что они загораживают вам своим лицом целый горизонт; всякое слово, пущенное на воздух, непременно попадает в них, как ядро в стену, и делает брешь в их тщеславии; то... не вот я еще не кончил периода, как уже почтенный Тимофей Панкратьевич кричит мне в ухо, что это личность, что я мечу прямо на него... Извините, сударь: позвольте мне по крайней мере досказать фразу. В доказательство того, что я об вас и не думаю, вот вам французский журнал «L'Entr'acte»[8], из которого заимствую я эту мысль. В Париже, когда писали статью, верно вас в виду не имели.

Да это суцая беда!.. Нельзя даже упомянуть ни о какой человеческой слабости, ни о

каком злоупотреблении в свете, чтоб кто-нибудь к вам не придрался. Всякая глупость имеет своих ревностных покровителей. Прошу покорнейше не говорить ни слова об этой странности: она состоит под моею защитою. — Как вы смеете, сударь, насмехаться над этим пороком?.. Я им горжусь: это моя неприкосновенная собственность. — Что вы сказали вчера о безобразных носах?.. Это личность: прошу взглянуть на мое лицо.

Так и быть: выкину в окно чернильницу и бумагу, изломаю все станки, уничтожу перья и типографии; буду молчать и играть в карты, чтоб не говорили, что я пишу только личности.

Третьего дня встречаюсь на улице с одним знакомцем.

— Здравствуйте, Иван Иванович!

— Мое почтение, Афанасий Лукич!

— Не вы ли это написали в какой-то статье, что иногда случается, что награждают людей без всяких заслуг?

— Я.

— Знаете ли вы, что я тоже недавно получил награду?

— Знаю.

— Как же вы смели это написать?

— Потому что это иногда случается и с теми, которые еще стоят менее вас.

— Пустая отговорка!.. Все говорят, что это написано на меня, все меня узнали.

— Скажите им, что они ошибаются.

— Нет, милостивый государь! Вы будете мне за это отвечать.

— С удовольствием. Я отвечаю вам, что вы помешались. Я знаком с одним из надзирателей Желтого дома и могу выпросить у него уголок для вашего высокоблагородия.

Но это только один случай из тысячи подобных. Представьте себе, что со мною случилось сегодня.

Недели две тому назад написал я статью: о дураках. Две тысячи пятьсот восемьдесят семь человек подписали на меня формальную жалобу на предлинном листе бумаги, нарочно заказанном ими на петергофской фабрике, и подали ее по команде. Я не видал этого прошения, не говорят, что оно семью саженьями, аршином и девятью вершками длиннее того, которое герцог Веллингтон[9] поднес

английскому королю от имени всей партии тори против билля о преобразовании парламента[10]. Начальство, рассмотрев мою статью, не нашло в ней ничего предосудительного и отказало им в предмете жалобы. Огорченные неудачею, все они привалили ко мне требовать личного для себя удовлетворения. Улица была наполнена ими с одного конца до другого. На моей лестнице народ толпился точно так же, как на лестнице, ведущей в аукцион конфискованных товаров. Все они в один голос вызывали меня на дуэль. Не имея возможности объясняться с каждым лично, я предложил им мою расходную книгу, оборотив ее задним концом вперед, и просил их записывать в ней свои требования. Между тем моя молочница, которая всякое утро приносит мне с Охты свежие сливки к завтраку, дожидаясь конца этой суматохи, принуждена была простоять на улице битых пять часов и никак не могла пробраться в мою переднюю. Наконец явилась полиция и с трудом пропустила ко мне молочницу сквозь эту широкую толпу. Но, пробыв пять часов на морозе, сливки ее замерзли, и я остался без завтрака. А я

страстно люблю кофе со свежими сливками!.. Это послужит мне уроком — в другой раз не писать личностей.

Но вот, слава богу, все ушли. Теперь сосчитаем, сколько записалось противников. Раз, два, три, четыре... Тьфу, пропасть! Две тысячи пятьсот восемьдесят семь человек!.. И все они, как будто условившись, назначили один и тот же день и час для расправы со мною!..

Как же быть?.. А надобно драться со всеми! Правила чести требуют того непременно.

Постойте! Я разделаюсь с ними прекраснейшим образом. Выстрою их в каре: девяносто восемь рядов в двадцать шесть шеренг; это выйдет ровно... 2587 дураков. Будем стреляться.

Ведь они меня вызывают па дуэль, а не я их?.. Следственно, я имею право стрелять в них первый.

Еду тотчас на завод г. Берда[11] и заказываю себе паровое ружье Перкинсова изобретения, из которого вылетает по тысяче пятьсот пуль в минуту. Оно устроено на шпиле и, вращаясь, описывает концом своим четверть круга. Проучу же я этих господ!.. Увидите, ка-

кую сечку, какой винегрет сделаю я из дураков! В один залп не останется ни одного из них в живых; я наведу па них ружье под углом 46 градусов, прямо в грудь по обыкновенному росту человека.

Но как управиться с малорослыми?.. Их не хватят мои пули.

Есть у меня средство и на это. Объявляю, что я дерусь только с большими дураками, ростом в два аршина и шесть вершков по крайней мере. И чтоб не быть обманутым, наперед поставлю их под рекрутскую меру. Те, кои окажутся пониже — брак!.. прочь!.. Маленькие дурачки не допускаются к дуэли.

Съехавшись на месте, условимся как стоять: боком ли, или лицом ко мне. Я на все согласен.

Когда уже после этой дуэли останусь я в живых, то — клянусь башмаками далай-ламы — да всю жизнь свою отказываюсь от личностей.

Впервые: Северная пчела. — 1833. — № 17.

ЧЕЛОВЕК

Случалось ли вам когда-нибудь, возвратясь поздно домой, к вашим мирным и полезным занятиям, войти в свой кабинет в плаще, в шляпе и перчатках, с сердцем, растерзанным грустью, огорчением, с умом, недовольным собою, недовольным жизнью, людьми и целым светом; и вошедши, остановиться посредине комнаты, сложив руки на груди, и призадуматься — о том, например, кто такой пустил в обращение эту мерзкую на ваш счет историю?.. кто так подло, так дерзко оклеветал вас пред вашими друзьями?.. кто на сухой, алчный язык общества выжал этот медленный, не убийственный яд, который сперва, при появлении вашем в собраниях, приводил все уста в легкое кривлянье и, наконец, пробежав по всем его членам, отравил все мнения, поразил вас в сердце смертельно?.. Стучалось ли вам когда-либо погружаться в подобную думу и потом, внезапно вырываясь из нее, схватить шляпу с головы и с гневом

кинуть ее в угол софы, хлопнуть одною перчаткою о стол, другую бросить на землю, сильно притопнув ногою, и вскричать: «Ах, если б я знал этого негодяя!.. Я бы исторгнул у него язык из пасти!.. Этою рукою на песьих щеках его начертал бы я вывеску гнусного ремесла, которым он занимается!..»

Не ищите его далеко: это — человек. Он-то услужил вам так искусно, по-приятельски.

Хотите ли, чтоб я описал вам его приметы?.. Он бывает всех ростов, возрастов и объемов: мал и высок, толст и тонок, стар и молод; сегодня он кажется вам белокурый, завтра увидите вы у него волосы и глаза черные. Вы подумаете, что это совсем другое лицо?.. Отнюдь нет! Ежели вы мне не верите, спросите у добрых людей, указав на него пальцем: кто это таков?.. Всякий вам скажет, пожимая плечами: «Так!.. Человек!»

Несмотря на разнообразность его наружности, он всегда один и тот же; по душе он всегда человек и никак не может выключиться из этого душевного роста, хотя, выпрямясь хорошенько, иногда доходит телом до двух аршин и двенадцати вершков.

Могу сообщить вам некоторые об нем подробности: по ним легко узнаете вашего злодея, которого охотно предаю в ваши руки, — даже чувствительно буду обязан вам, ежели, мстя за свою обиду, в истинное одолжение прибавите вы ему одну лишнюю оплеуху за то, что он мне сделал. Ах, он много испортил во мне крови!.. не это длинная история: обратимся к подробностям, могущим навести вас на его след.

Когда вы сватались к прелестной, предоброй и пребогатой Прасковье Тимофеевне, в которую, по вашим словам, влюблены вы были без памяти — помните ли? — кто-то незнакомый ни ей, ни ее родителям, называвший себя вашим коротким приятелем, сказал им в концерте, как будто защищая вас от клеветы, что у вас полмиллиона долгов и полдюжины любовниц. Это был человек.

Однажды на вас был подан ложный, никем не подписанный донос, и один из ваших знакомцев прибежал известить вас о том, предлагая вместе свои услуги, чтоб вывести вас из беды. Доносчик и ваш услужливый знакомец составляли одно и то же лицо: это

был — человек.

Недавно получили вы по городской почте безымянное письмо, которое поссорило вас с супругою и с лучшим вашим приятелем. Вы долго ломали себе голову догадками, от кого бы оно происходило, — а оно было от человека!

Вы, может быть, спросите, откуда мне это известно. Как так?.. Я знаю об этом от того же человека, который душевно соболезнавал передо мною. О! Мы с ним большие друзья: он обедает у меня дважды в неделю и вредит мне только дважды в месяц. Это с его стороны доказательство нелицемерной дружбы, ибо другим вредит он по два раза за всякий обед. Правду сказать, я, грешный, люблю человека: он такой добрый! такой уступчивый! Исполнен желания услужить вам советом и делом!.. Если я нахожусь в затруднении, он тотчас предлагает мне или оклеветать моего противника, или обмануть его каким-нибудь законным средством. И когда однажды наплевал я ему в рожу у себя за обедом, он, в порыве благородного негодования, схватив нож с тарелки, уже хотел кольнуть меня в бок и

вместо того кольнул им жаркое, а у меня поцеловал руку и сказал, что я его благодетель. |

Как не любить существа, одаренного таким кротким, таким любезным нравом?..

Вчера встретили вы его на Невском проспекте: он лгал, льстил, ползал, подличал перед вами безо всякой нужды, единственно из удовольствия быть вашим приятелем, и еще предостерег вас насчет одной малоизвестной вам особы, которая случайно проходила мимо вас. Вы не хотели ему верить, и он, чтоб убедить вас в своей искренности, очернил перед вами десятерых других прохожих. Расставшись с вами, он догнал каждого из них особо и перед всяким очернил вас. Неужели вы еще его не узнаете?..

Зайдите невзначай к вашему другу: непременно застанете у него какое-то знакомое лицо с кисло-сладкою улыбкою, которое вдруг переменит предмет разговора и заведет речь о погоде. Я бьюсь об заклад, что это — человек. И можете быть уверены, что до вашего прихода целию сострадательных его рассуждений были вы. Он уже успел предостеречь вашего приятеля о ваших чувствах, мнениях

и намерениях; теперь остается ему только подойти к вам, поклониться и напомнить вам, что он имел удовольствие быть знакомым с вами. Ежели, подошедши, еще пожмет он у вас руку с чувством, с преданностью, с почтением, берите его за шиворот: это уж наверное — человек!

Не то идите в Летний сад. Гуляя в аллее, вдруг услышите вы шипение за которою-нибудь статуей и сквозь зеленую, движущуюся сетку акации увидите двое маленьких, быстрых змеиных глаз, сверкающих ядовитым огнем. Вы испугаетесь, отскочите назад, спрячетесь за дерево, думая, что это гремучий змей, скорпион, ехидна... Не бойтесь: это тот же доброжелательный человек. Поймав честную душу, которую собирается надуть, он дружески предостерегает ее насчет гуляющих. Человечки предостерегать горазды. Им по опыту известно, что это кратчайший путь к доверию и к чужим тайнам, которые хватают они, как рыболовы окуней, выдергивают у вас изо рта, как дантисты зубы, высасывают из-под кожи, как пиявки кровь:

Non missura cutem, nisi plena cruoris,

hirudo[12].

Ежели у вас есть несколько лишних тайн, то лучше пожертвуйте ими добровольно, бросьте им в лицо и уходите: иначе не отвяжутся они от вас. Ваши тайны им необходимо нужны: они торгуют тайнами, одеваются тайнами, ездят на тайнах, едят и пьют тайны.

Видели ли вы когда-нибудь голодную гиену, радостно прыгающую через огороды, через заборы, через поля с ребенком в пасти, похищенным на груди несчастной матери?.. Мне однажды случилось видеть ее в этом положении, и могу вас уверить, что это подлинное изображение человека, уходящего в свою нору с похищенной у вас тайною, которую с зверским удовольствием будет он там ворочать на все стороны, взвешивать на руке и растягивать зубами, чтоб сделать из нее извет или продать ее вашему противнику.

Загляните мимоходом под ворота присутственного места: увидите там жалкую, заботливую, низкопоклонную фигуру, торгующуюся с бедным канцеляристом о цене вверенной ему бумажной тайны. Эта фигура есть человек.

Поезжайте в пятом часу к знатному вельможе в случае[13], который хорошо вас принимает, и вы будете даже иметь удовольствие обедать с человечком. Узнаете его по его услужливости к хозяину и к гостям; он подставит вам стул, подаст воды, нальет вина и при этом случае переменит у вас прибор. Вы подумаете, что он в доме род дворецкого? Нет, он так, человечек: доказательством служит то, то он ест за шестерых и в то же время рассказывает городские сплетни, содержанием коих старается неприметно действовать на хозяина, чтоб заранее обделать его мнение согласно своим видам. Никто не умеет так искусно пользоваться чужим обедом, как человечки. И где за столом нет человечка, там, будьте уверены, или дурной повар, или хозяин причислен к герольдии[14].

Но он иногда живет и на свои деньги. Тогда его кофе стоит ему двух клевет, его завтрак — трех крючков, его обед — десяти подлостей, его ужин?.. Человечки никогда не ужинают дома. Но его нарядное платье нередко бывает куплено за целое преступление.

Вы, без сомнения, имели счастье не одна-

жды с ним беседовать, сами о том не зная. В первый раз он играл перед вами роль благонамеренного; встретившись с вами потом, он не узнал вас и представлял вольнодумца...

О! После этого быть не может, чтоб вы тотчас его не узнали!

Впервые: Северная пчела. — 1833. — № 137.

МОЯ ЖЕНА

Я человек самый счастливый в свете. Как хорошо я живу с моей женою!.. Как нежно я люблю ее, как уважаю!.. Да как и она меня любит!.. Вы не можете себе представить. Правду сказать, мы и достойны этой обоюдной любви: мы друг с другом так вежливы! так учтивы!.. так умно ведем себя один в отношении к другому!.. Во-первых, мы никогда не спорим. Когда я вздумаю спорить, то иду играть в бостон с приятелями; когда она почувствует в себе припадок сварливости, то бежит в Гостиный двор торговаться. И потом мы возвращаемся домой и сидим рядком на диване тихо, смиренно, дружелюбно, как голубочек на гнезде с своею голубкою. Не жизнь, а отрада!

И подумайте, что мы уже лет двадцать питаемся этим счастьем! Мы даже страх как утучнели от счастья.

Одно только неудобство, что дома мы друг с другом никогда не видимся. Вот скоро на со-

чельник девять лет, как нам не случается обстоятельно поговорить между собою. Всякое утро, надевая халат и туфли, я говорю моей Даше:

— Душенька, Дарья Кондратьевна! Сегодня я хочу потолковать с тобою окончательно о том деле, помишь ли? о котором начали мы рассуждать на Фомином неделе.

И она мне отвечает, нежно лаская меня по бородке своею мягкою, как пух, ручкою:

— Да, дружок бесценный!.. Надо непременно потолковать об этом деле. Притом же я сегодня свободна. Но ты наперед хотел выбриться?..

Я сажусь бриться и пока бреюсь, она — глядь! — уже уехала со двора.

Но это ничего не значит: дело не к спеху, а я, когда вздумаю, скоро улучу случай переговорить с нею окончательно, потому что легко могу отыскать ее во всякое время. Когда мне нужно видеться с женою, я всегда иду прямо в Гостиный двор. Знаю, где она!.. в Шелковом ряду.

Если мне не верите, я тотчас надену теплую шинель, потому что у нас теперь лето! и

резиновые калоши, возьму под мышку зонтик и найду вам Дарью Кондратьевну. Смотрите: я теперь стою у городской башни. В три прыжка, которые с особенною ловкостью выучился я делать с этого места в течение долговременного нашего супружества, я очутился под сырыми и холодными сводами Шелкового ряда. Теперь надобно только заглядывать в лавки и внимательно прислушиваться к голосам.

— Пошалуйте, господин! Голиндская плотно, сальфетка, скатерту, плятков, цитци, шульки!.. К нам, барин! На починок! дешево возьмем!.. Маменька, я не нахожу, чтоб это было дорого... Извольте, господин! У нас есть все, что нужно... Господин! У нас лучше: ситцы, материи, штофы, шали, французские платки, рюши, тюли... Экой плут! Да у тебя все гнилое... По три с полтиною, сударыня... Хорошо, отрежь семнадцать аршин...

О, здесь наверное Дарья Кондратьевна!.. Она не бросает денег так, без торгу. Моя жена — большая экономка. Пойдем подальше.

— Господин! Пожалуйста сюда... Не правда ли, та there, что этот ситец очень мил?.. Qui,

та шере[15]... но он московский... Господин! Пожалуйста сюда: ленты, блонды, кружева, вуали, перчатки, кушаки... Ах, какие прелестные глаза!.. Кушаки, вуали, перчатки... Какая ножка!.. Чулки, перчатки, вуали... Какая талья!.. Кушаки, перчатки, вуали... Ты не хочешь?.. я побегу за нею!.. Господин! Лучше пожалуйста сюда: ситцы, материи, штофы, бурдесы, гра-грени... Ей-ей, сударыня, клянусь честью, по совести, ей-ей, в лавке вдвое дороже стоит! — Больше не дам ни копейки. Так извольте, отдаю...

А! не здесь ли Дарья Кондратьевна?.. Она тоже твердого характера. Когда скажет слово... Нет, тут не видать. Пойдем подальше.

— Господин! Покорно просим к нам, — Крайняя цена, сударыня, а что пожалуете?.. Вот сюда, господин!.. Знакомый барин... я знаю, чего вы ищете! Что вам угодно?.. Ситцы, материи, штофы, платки французские... Ленты, блонды, кружева, вуали... Перчатки, чулки, кушаки, подвязки...

У меня уже голова кружится.. Я ничего не вижу и не слышу; уши мои набиты французскими платками и заклеяены свинцом го-

стинодворской приветливости; перед моими глазами пляшут огненные ленты, чулки, подвязки; иду, как во мраке, и только сердито огрызаюсь направо и налево словами: «Мне ничего не нужно!» И эти чугунные звуки, подобно картечи, в одно мгновение сметают целые ряды продажных улыбок с выкрашенных под малиновый сбитень лиц низкопоклонных зазовщиков: надувшись и гордо приподняв голову, они вдруг отворачиваются от меня с таким точно равнодушном, как модная барыня от вчерашнего своего любовника. Наконец, бурный вихрь плутовства, дующий беспрестанно вдоль длинного коридора, раздувающий юбки и плащи, надувающий карманы, засыпающий глаза прохожих острым песком перебитых и перемешанных клятв, споров, приветствий, огорчений, расчетов, кокетства и ухваток жадности, поднимает меня с земли, кружит в воздухе, как ветхий лоскуток бумаги, несмотря на мой желудок, и несет, несет, несет... «Ловите меня, господа! Держите!.. Я где-нибудь ударюсь об стену или буду заброшен в канал!.. Слава богу, ухватился за столб последней арки; я спасен!.. И вот

слышу голоса.

— Два рубля тридцать... Право, нельзя, сударыня: ниже двух рублей тридцати пяти копеек не могу уступить ни полушки... Ну, возьми два рубля тридцать одну копейку!.. Ах, как вы, сударыня, любите торговаться! Извольте за два рубля и тридцать четыре... Нет, не дам: тридцать две!.. Тридцать четыре, сударыня!.. Тридцать две, голубчик!.. Ну уж так и быть, бери тридцать три копейки... Вы не оставите мне, сударыня, барыша ни одной копейки...

Стой!.. так это моя жена.

Я бегу к дверям, из которых исходят эти звуки; опрокидываю на пороге мальчика, который уже под моими ногами допеваает начатую в честь мне песню: «Ситцы, материи, штофы, бурдесы, гра-грени!..» Беру лавку приступом и проникаю в заднее отделение. Я не ошибся: это она — о, я никогда не ошибусь!..

— А, ты здесь, Иван Прокофьевич?

— Здесь, душенька, Дарья Кондратьевна. Пришел сюда потолковать с тобою окончательно об этом деле...

— Ах, мой дружок бесценный!.. а мне теперь недосуг. Вот я обещала помочь Марье

Михайловне сделать некоторые покупки. Она совсем не умеет торговаться.

— Хорошо. Я подожду, пока вы кончите...

— Не дожدهшься, друг любезный! После того я должна ехать к Наталье Ивановне, с которою тоже отправимся покупать разные вещи. Потом опять приеду сюда с Катериною Антоновною, а потом я дала слово Матрене Николаевне приторговать кое-что для ее свояченицы... Я теперь очень занята.

В самом деле, она теперь занята чрезвычайно. Жаль, что я так далеко сходил понапрасну!.. но я найду случай потолковать с нею окончательно: я приду сюда сегодня после обеда. Она, может статься, тогда будет по-свободнее.

Бедная моя Дарья Кондратьевна! Вы сами видите, что у нее почти даже не остается времени позавтракать, ни пообедать. Во всей нашей части ни одна иголка, ни один аршин черной ленточки не покупаются без ее содействия и совета. Все тащат ее в Гостиный двор, потому, что она мастерица торговаться, не то она тащит всех туда, чтоб другие видели, как она умеет приводить цены к их настоящей

точке. Боюсь только, чтоб когда-нибудь не случился с нею удар, ежели кто-либо скажет ей хоть в шутку, что он купил ту же вещь дешевле, нежели она. Ради бога, не говорите ей этого!..

Ежели вы скажете и она умрет, то со слезами искреннего сожаления похороню ее в Шелковом ряду, в котором-нибудь окошке, и сооружу ей памятник, чтоб и по смерти ее заставить ее в том же месте, куда привык ходить в продолжении счастливого нашего супружества для дружеских с нею свиданий. Тут я буду еще толковать с нею окончательно, об этом деле... не если она скончается внезапно, кто тогда приторгует мне надгробный для нее памятник!.. И как дорого я заплачу за него?.. Я огорчу бранные ее останки в их вечном успокоении, и холодный труп ее в состоянии еще выскочить из окошка в коридор, на переторжку с каменщиком. Прошу вас всепокорнейше, не делайте с нею подобных шуток: Вы разрушите мое супружеское счастье.

Теперь, любезный читатель, ступайте к своим занятиям, а я ворочусь домой. Ежели, дочитав эту статью, вы усмотрите, что вашей

супруги пет дома, то не беспокойтесь: она, наверное, уехала в Гостиный двор с моею Дарьею Кондратьевной. Когда вам угодно, приходите ко мне после обеда — пойдем вместе в Шелковый ряд искать наших сожительниц.

Впервые: Северная пчела. — 1833. — № 152.

АРИФМЕТИКА

Как бы то ни было, я, хотя, по званию моему, промотавшийся помещик, люблю, однако ж, все, что относится к счетам, отчетам, расчетам и расчетливости, люблю точные науки, люблю точных людей и даже самую точность. Пусть говорят, что угодно; пусть приводят в пример продажу моего имения с молотка, чтоб доказать мое незнание счёта — а я говорю, что люблю!.. И по мне первая добродетель на земле — точность; первая наука в свете — арифметика; наука, научающая смертных знать и ведать с точностью, что дважды два — четыре, что когда сумма минус превосходит сумму плюс, то в кармане волки воют; что если кто-нибудь занял 10, а отдает только 3, скрывая 7 под именем почтеннейшей своей супруги или расточая их по пустякам, тот прямой плут и обманщик и должен идти в тюрьму, а не в судьи или начальники... Всем этим истинам учит нас арифметика.

В наш просвещенный век стыдно было бы

доказывать пользу или необходимость арифметики. Известно, что без этой науки нельзя быть ни судьей, ни управляющим, ни исправляющим, ни коллежским асессором, ни просителем, ни подсудимым, нельзя даже быть порядочным уездным предводителем. Когда придется делать расписание подвод или рабочих для починки дорог, какая точность исчисления нужна тогда человеку, чтоб неприметно облегчить мнения свои и своих приятелей и распределять следующее с них количество повинности на чужие души!.. Когда случится разбирать чье-нибудь дело и решить, кто прав и кто виноват, как надо уметь не только считать, рассчитывать, но и пересчитывать!..

Хотя, сказать правду, бывали на свете люди, которые не умоли сосчитать и до десяти, а дела решали превосходно... но тогда их секретари хорошо знали арифметику. Все-таки она необходима!

И сколько удивительных вещей узнали люди при помощи, арифметики! Посредством ее мы открыли, что Луна вертится около Земли; что Земля с Луною вертится около Солн-

да; что многие другие планеты с лунами вертятся около Солнца, Земли и ее Луны; что кометы вертятся около Солнца и всех его планет с их лунами; что все в мире вертится, как в мельнице. Даже, посчитав хорошенько, могли бы мы по силе тройного правила открыть и то, кто вертится около наших жен, когда мы уходим к должности или в клуб!.. Всего можно дознаться при содействии арифметики: надобно только умножиться за дело.

Исчислено, что Земля пробегает в час около 150 000 верст. Следовательно, она пробегает по 2000 верст в минуту. Следственно, в одну секунду, то есть, пока мы выговорим: «Да, ваше превосходительство!» или успеем отвесить поклон, мы, не трогаясь с места, уже пролетели вместе с нею 40 верст вперед. И со всем тем есть на свете философы, которые утверждают, будто мы не подвигаемся.

Исчислено — вы уже читали о том и в «Северной пчеле» — что народонаселение всего земного шара простирается до 660 миллионов душ; что ежегодно рождается на нем около 22 900 000 детей, и почти столько же умирает особ всякого возраста и пола. Следственно,

всякий день рождается и умирает на Земле по 60 000 человек, всякой час по 2500, всякую минуту по 40. Следственно, ежели умрет дурак, вы можете быть совершенно спокойны, ибо через полторы секунды рождается на его место другой. Об умных людях еще не сделано исчисления, потому что между ними есть много шарлатанов.

Исчислено, что англичане, глотая в произношении половину своих слогов, сберегают в сутки два часа времени для молчания и работы. Англичанин, когда заврется, может сказать в час 7800 слов, француз — 5200, немец — 4900, русский — 4700, итальянец — 4400, голландец — 3250 и проч.; так что швед, который протяжно распевает свои слова и всякие пять минут нюхает табак, должен употребить 2 часа и 18 минут на произнесение того вздора, который англичанин может напороть в один час. Вот почему Англия — край самый богатый, а Швеция — самый бедный.

Исчислено, что если б разостлать на земле листы всех выходящих в Англии в течение одного дня газет и журналов, то они заняли б собою пространство 9 квадратных миль. А

как эти листы покрыты буквами на обеих сторонах, то англичане принуждены всякий день прочитать по 18 квадратных миль печатной поверхности, на которой иногда нет ни одной мысли, а в течение года 6570 таких же миль. Присоединив к этим листам годовое число повременных листов, издаваемых во Франции, Германии, Америке, можно было бы склеить из них воздушный шар, величиною равный Луне.

Но все эти исчисления еще не столько любопытны, сколько, например, те, которые составил барон Дюпен[16], определивший арифметическими выкладками ум, способности, нравственность и образованность своего отечества. Статистическая карта, приложенная к его сочинению, есть настоящий памятник пронципальности и трудолюбия, и результат бесконечных его исчислений достоин глубокого размышления со стороны любителей мрака, не отвергающих пользы и приятности денег. По этой карте мы видим, что в тех именно областях Франции, где число обучающегося в училищах юношества относительно к народонаселению есть самое превосходное,

промышленность, торговля и народное богатство находятся также на самой превосходной степени, количество совершаемых в год преступлений бывает самое незначительное, недвижимая собственность имеет самую высокую цену, а государственная казна получает дохода вдесятеро более, нежели с областей, в которых относительное число учащих есть самое малое.

Словом, теперь все исчислено. И в наше время обыкновенно выражать рядами чисел то, что прежде выражалось риторическими фигурами, сделалось во многих землях столь общим, что все, нужное и ненужное, полезное и бесполезное, удобо- и неудобоисчислимое, предметы, подлежащие зрению, умственные действия, движения сердца, мысли, чувствования и надежды, подчинено арифметическому вычислению. Страсть, вдохновение и прихоти перестали быть началами поступков. Люди думают числами, движутся по числам, любят, ненавидят друг друга и дерутся за числа. Всякий не прежде принимается за добродетель, труд, забаву, честность, обман, великодушные или причуду, как исчислив, сколько

принесет это ему пользы на чистые деньги. Скоро, подобно тому, как в Китае, где во всяком порядочном доме найдете вы прибитые к дверям печатные таблицы всех несогласных с уставом о церемониях поступках, с означением в графе, сколько за каждый из них получается ударов бамбуком по пятам — у нас, в нашей просвещенной и положительной Европе, будут издаваться карманные тарифы стереотипного издания, в которых для удобства сердец и облегчения труда головам все человеческие добродетели, желания, чувства, страсти и мысли будут расположены по алфавитному порядку, с точною оценкою их на рубли и копейки.

Арифметика видна везде и во всем. Счетчики самовластно управляют светом. Все старинные понятия, истины и привычки бегут, рассеиваются, исчезают перед грозными колоннами чисел, которые вторгаются во все обстоятельства жизни, разоряют все чувствования, истребляют все мечты, грабят поэзию и природу заливают чернилами.

О любви и говорить нечего. Уже и романы пишутся без любви. Ее изгоняют из театров;

скоро выгонят даже из гостиных. Женщины стыдятся рассуждать о ней; мужчины скорее согласились бы умереть, чем признаться, что они в состоянии быть влюбленными. То, что прежде называлось нежною страстью, теперь именуется сметливостью сердца, и супружеское счастье так же подвержено четырем действиям арифметики, как и обороты пенькою и салом.

Итак, согласитесь, любезные дамы, скромные и чувствительные девицы, что теперь любви нет на свете: есть только арифметика. Кончилось царствие Амура, проказника-божка с прекрасными крылышками, золотым луком, язвительною стрелою и прелестною улыбкою. Не сожигайте напрасно фимиама на его алтаре, не приносите ему бесполезных жертвоприношении. Лучше идите все, толпою, в университет и падите на колени перед ординарным профессором математики: он занял его место, он настоящий Амур нашего арифметического века. Послушайтесь моего совета: он выучит вас считать и быть счастливыми!.. быть счастливыми, как чиновник по счетной части, не подлежащий экзамену,

как самый жирный лондонский пивовар. Да, господа! Пора приняться за арифметику. Посмотрите, как при содействии этой чудесной науки, только считая — одни да один — 2, да один — 3, да один 4 — многие народы досчитались до двух великих добродетелей образованного человека — экономии и точности, которые сами по себе значат то же, что богатство. Кто же препятствует и нам разбогатеть тем же путем? Чего у нас недостает?.. У нас есть головы и, слава богу, кажись, не телячьи; у нас есть хлеб, дерево, сало, кожа, пенька, лен, железо, медь, золото, платина и даже алмазы; у нас есть все, что только нужно для развития огромной промышленности, для накопления несметных богатств. По несчастью, нет арифметики. Ах, если б она завелась на нашей православной Руси!.. Если б мы знали ее так твердо, как те, которые снабжают нас вином, портером и устрицами!.. Куда как все было бы иначе!

Господа, бросимте карты и станемте считать! Я подам первый пример: дайте мне кусок мелу!..

Но что считать?.. Вот запятая! Хлеб, сало,

кожи, деготь, пеньку, золото?.. Все это сочтено в «Коммерческой газете» и в сочинении г. камергера Пельнинского. Итак, выходит, что у нас нечего считать?.. Право, жалко! не знаете ли, что мне пришло в голову?.. Будем считать карты! Да! Будем их считать: авось разбогатеем хоть от этого счету?..

Но вы скажете: «Что напрасно считать карты?.. Известно, что их пятьдесят две в колоде!» Оно так, не все-таки лучше посчитать их хорошенько. Я уверен, что в них таится гораздо более чисел, нежели как вы полагаете.

Вот отчет Александровской мануфактуры. Посмотрите: Александровская мануфактура выделывает ежегодно 145 000 дюжин колод разного разбора. Считая всякую дюжину круглым числом по 10 рублей, найдем мы, во-первых, что всякий год карты стоят нам 1 450 000 рублей. Что, если б мы эту сумму ежегодно обращали на покупку хороших книг и на распространение круга наших познаний?..

Но это не все: 1 450 000 рублей есть только сумма, которую получает мануфактура за оптовую продажу карт, — нам они обходятся гораздо дороже. Мы платим лакеям по 5 руб-

лей за всякую пару колод — следственно, по 30 рублей за дюжину. Поэтому карты стоят нам в год не 1 450 000, а 4 350 000 рублей. С этой суммы следует однако ж скинуть 350 000 р. на тех, которые уходят, не заплатив за карты, и обманывают лакеев, хотя с другой стороны есть великодушные люди, кои платят им по 25 рублей за две колоды; все-таки карты лишают нас в год 4 000 000 рублей наличного капитала, и в конце года, когда б даже не проиграли мы ни копейки, будет у нас 4 миллионами менее за то только, что мы играли в карты. Сколько полезного для нас самих и для отечества могли б мы сделать за эти деньги!

Далее: двумя колодами карт можно играть три часа; в губернских городах играют ими и по десяти часов, но мы положим умеренно, средним числом, три часа. Итак, чтоб сыграть 145 000 дюжин, потребуется 2 610 000 часов. Считая рабочий день в двенадцать часов и рабочий год в 360 дней, находим, что в течение всякого года теряем мы за картами 725 лет.

Следственно, все вместе, кроме 4 000 000 рублей денег, еще проигрываем мы в карты в один год слишком семь исторических столе-

тий времени. А с 1600 года уже проиграли мы 23 925 лет, не считая дурачков и пасьянсов. Прекрасно! Теперь обратим это время в рубли и копейки, потому что все на свете можно обратить в деньги. В Англии час времени хозяина заведения по части промышленности ценится в 12 рублей, по нашей дешевизне. Из сего следует, что если б мы эти 725 лет времени, которые всякий год предаем на жертву висту и бостону, посвятили промышленности, то умножили б народное богатство России достоинством, равным сумме 135 629 999 рублей. Через несколько лет мы были бы первые богачи в мире.

Далее: в дюжине колод 624 карты. Всякая карта имеет 3 дюйма длины, 2 дюйма ширины и 6 квадратных дюймов поверхности. Разостланные на земле сплошь, все, заключающиеся в 145 000 дюжинах колод, карты покрыли б собою 18 958 119/2831 квадратных верст, то есть пространство, равное поверхности пяти губерний — Петербургской, Московской, Нижегородской и двух Белорусских.

Положив все эти карты вдоль, одну за другую, получим мы линию длиною в 159 732

11/300 верст. Из этой длины можно было бы на досуге сделать следующее употребление: 1) обложить весь земной шар; 2) из королей провести кругом Земли петербургский меридиан; 3) остальными картами покрыть все прочно географические линии земного шара, какие обыкновенно рисуются на шарах из папки. Затем останется еще отрезок карточной ленты, простирающийся на $9\ 899\ \frac{1}{2}$ верст. Что из него сделать?.. Не прикажете ли проложить из этих карт черту по всякой из больших дорог, ведущих от Петербурга до городов, в которых бывают ярмарки?.. По крайней мере люди видели б, куда ехать за деньгами с колодою карт в кармане.

Мы подвергли количество карт, употребляемых в России в течение одного года, точному арифметическому вычислению в отношениях к деньгам, времени, длине, ширине и поверхности. Остается еще сосчитать их плотность или толщину. Но как это сделать?.. Бывали ли вы когда-нибудь в Помпее?.. Уж наверное не бывали?.. Вы нигде не бываете! А я был в Помпее и могу сказать вам об ней с большею достоверностью, чем все антикварии. Помпея

есть небольшой древний римский город, лежащий поблизости от Неаполя, — род классического Торопца: весь каменный и не такой грязный. Во втором веке[17] не Р. Х. случилось страшное, внезапное извержение Везувия, и Помпея в несколько часов с крышами, башнями и колокольнями была засыпана вулканической золою. В продолжение времени люди забыли даже об ее существовании. Лет за шестьдесят перед сим, случайно копая землю, кто-то открыл крышу одного дома. Стали копать далее и, к удивлению, нашли целый подземный город, с жилищами, кухнями, лавками, «виноторговлями», библиотеками, мастерскими и домашнею утварью, сохранившимися почти в невероятной исправности. Даже жившие в нем люди найдены в целости и в том же положении тела, в каком застала их вдруг слетевшая с воздуха масса минерального пепла: они высохли, перегорели и рассыпаются в прах от малейшего прикосновения. Местное правительство определило значительные суммы на открытие злосчастной Помпеи, и в Неаполе был учрежден особый музей для складки всех находимых в

ней древностей. По сию пору очистили уже несколько улиц, театр и две площади.

Нельзя представить себе ничего изумительнее зрелища, являемого вскрытою частицею Помпеи. Воображение путешественника, уединенно блуждающего по этим огромным, пустым древним улицам, комнатам, коридорам и магазинам, среди этого мертвого, пережженного общества, между современниками давно минувшего века и давно погибшего народа, воспламеняется, горит, кружится, хочет проникнуть далее, поражается ужасом и приходит в ошеломление. Кажется, будто волшебная сила, отторгнув вас от настоящего быта и нынешних понятий, отбросила за шестнадцать столетий назад; будто судьба в припадке досады на людей мощною рукою поймала на самом злодеянии целое человеческое общество, которое, наделав глупостей и написав себе похвальное слово под названием истории, хотело укрыться от взоров потомства; и что та же судьба теперь показывает его людям с коварным удовольствием, насмехаясь над установленным для них и для их дел порядком. В половине XIX столетия видите вы

наяву собственными глазами все, что делалось в Помпее в минуту нечаянного ее погребения, видите занятия жителей, видите их забавы, почти слышите их разговоры и чуть-чуть не смеетесь их шуткам. Здесь кузнец работает молотом, там сапожник спешит сшить башмаки к сроку, инде кухарка рыдает над горшочком свернувшихся сливок; докладчики врут, судьи дремлют, подъячие зубами натягивают законы, взяточники покупают дома на чужое имя, мошенники бродят по карманам, сочинители крадут из книг и списывают живьем друг друга, горничные бегают с ножными записками, барыни колотят слуг по щекам, слуги злословят своих господ, оболъстители вздыхают под окошками, мужья волочатся толпами за латинскою актрисою, кучера ругаются, любовники ссорятся, продавцы надувают, супруги изменяют, студенты чертят углем по стенам не слишком геометрические фигуры. Надобно побывать в Помпее, чтоб иметь понятие о том, что происходило в классической древности!.. Ужас!..

Но я заболтался о Помпее и забыл совершенно, что у нас дело идет о картах. Мы, ка-

жется, хотели исчислить, какая была бы плотность, толщина или высота их, если б их свалить в одну кучу. Как вы полагаете?.. да это была бы гора не ниже знаменитой Чимборасо[18]! Но слушайте со вниманием, что я скажу. Предположим, что какая-нибудь волшебная сила одним поворотом своего жезла собрала б в груды все находящиеся в России карты, не исключая даже и оставшихся от прежних лет понтерок. Предположим также — ведь предположения стоят теперь так дешево! — что какой-нибудь ужасный переворот в природе поглотил бы эту груды карт и зарыл их глубоко в землю — например, между Петербургом и Царским Селом... Вдруг, когда жители роскошной столицы севера в прекрасный весенний день спокойно гуляют по Невскому проспекту, вежливо кланяются друг другу, щеголяют, смеются, несут вздор, заглядывают под розовые шляпки, посматривают в окна модисткам, дуются, ползают, занимают деньги, разносят сплетни, прячутся от кредиторов, сочиняют стишки, подписывают бумаги и подкапываются один под другого — вдруг, говорю, воздух затмевается, завывает

бурный ветер, под тротуаром раздаются подземные удары, и Пулкова гора, — просим прощенья!.. приличнейшей горы нет в наших странах, — и Пулкова гора начинает колебаться в своих основаниях. Все мы в изумлении, со страхом, с любопытством пучим глаза, разеваем рты, надеваем очки, уставляем зрительные трубки, глядим, чему тут быть... а тут вершина Пулковой горы расселась, на ней образовалось жерло, и из него вылетел вверх огромный столб густой грязной материи, с воём, с треском, с громом. Достигнув известной высоты, этот столб начинает расстилаться в воздухе, разливается по всему небесному своду в виде черной тучи, которую ветер несет прямо на город, и мы дрожим в испуге. Наконец, эта туча видимо опускается, видимо летит на нас. Увы!.. пришел же нам конец!!.

И угадайте, что это значит...

Вы наверное думаете, что Пулкова гора превратилась в огнедышащую гору; что мы должны претерпеть землетрясение; что этот столб грязной материи, расстилающийся по небу, есть облако вулканической золы?.. Угадали! — только это не огнедышащая, а карто-

дышащая гора, картотрясение карточной Везувию, извергающей погребенные в недрах земли между нашим городом и Царским Селом прошлогодние плоды.

Да, милостивые государи! Этот столб, эта туча составлены исключительно из старых, помятых карт, из отставных, изломанных на всех углах понтерок. Вместо подземного пепла сыплется на город, вертясь и мелькая в воздухе, тузы, тройки, семерки, козыри, десятки, бубны, дамы, пятерки, валеты; гора сильнее и сильнее пыхтит картами, они валяются на землю толстыми слоями и в несколько часов засыпают всю столицу, с домами, крышами и башнями. Наконец, Пулкова гора, изрыгнув из своих недр последнюю двойку, закрывает свое жерло, воздух проясняется, и все приходит в прежнее состояние. Но Петербурга не стало на свете: он испытал судьбу Помпеи, он исчез с лица земли, погребен под орудиями любимой своей забавы — превратился в город подземный или, лучше сказать, *подкарточный!*

По моему исчислению, если б когда-нибудь случилось в природе подобное явление,

Петербург был бы засыпан прошлогодними картами по самый корабль, вертящийся на адмиралтейском шпиле, с одной стороны от Пулковой горы до харчевни, что на парголовской дороге, а с другой от Охты до самого моря. Но как это исчисление чрезвычайно трудно и я не уверен в его безошибочности, хотя мучился целых две недели, то покорнейше прошу всякого поверить его у себя дома.

Но вы скажете, что предположение это странно, смешно, несбыточно?.. Я совершенно согласен с вами: это только арифметическая поэзия, романтизм счетной доски, мечтание сердца, дышащего цифирью и бостоном, исчерченного мелом виста, кружащегося в омуте плюсов и минусов... За всем тем, это полезное упражнение.

Ну, а если б это предположение сбылось какими-нибудь судьбами, если б Пулкова гора в самом деле превратилась в понтерочный Везувий, тогда что?..

Как, что? — Тогда с Петербургом сделалось бы то же, что теперь с Помпеей. Ветры нанесли бы песку и земли на эту карточную пустыню, она скоро заросла бы крапивою, и спустя

два или три столетия никто даже не знал бы, был ли здесь когда-либо какой город или нет. Скромная проселочная дорога смиренно проходила б над нынешним Невским проспектом, некогда шумным, красивым, блистательным. Над редакцией «Северной пчелы» кто-нибудь построил бы деревянную штофную лавку[19], и какой-нибудь целовальник продавал бы в ней беспристрастному потомству пенник и сивуху.

По прошествии десяти, пятнадцати или двадцати столетий начали бы копать землю и вдруг открыли бы вторую Помпею. Представьте же себе изумление, радость, восторг педантов и антиквариев этой отдаленной будущности! По химии доказано, что люди и вещи, погребенные в картах, не гниют и не истлевают точно так же, как и в вулканическом пепле... Посему преемники наши на земном поприще столько же удивлялись бы нашим орудиям, утвари, одежде, обычаям и образу жизни, сколько мы удивляемся предметам, открываемым в Помпее; так же именно писали б они об нас бесчисленные томы рассуждений и комментариев, как теперь пишут наши

современники о сухих перегорелых помпейских римлянах. На Черной Речке соорудили б великолепный музей, по образцу неаполитанского, для хранения петербургских древностей, и беспристрастное потомство, сложив назад руки и разинув рот, важно расхаживало бы по расчищенным улицам Гороховой, Мещанской, Офицерской, Садовой; считало бы по пальцам винные погреба, кондитерские и табачные лавки и любовалось на торчащих из карт будочников. Здесь выдернуло б оно из понтерок окаменелого подъячего, исправляющего ножичком подлинность старых документов; в другом месте открыло б блюстителя правосудия, прячущего взятку под свод законов; в третьем нашло бы знаменитого ученого, смиренно сидящего в богатой передней; далее поймали б верного супруга, преследующего вечером девушек из модного магазина; далее супругу, мстящую мужу за свою обиду; далее бедного столоначальника, запивающего дела пуншем, и прочая, и прочая.

Но если б стали рыться повсюду и обыскивать все уголки?.. Ах, помолимся могущей

судьбе, ниспосылающей смертным козыри, чтобы Пулкова гора никогда не превращалась в карточный Везувий! Что сказали бы педанты и антикварики XXXV или L столетия о чистоте нравов нашего времени!

Впрочем, господа, не бойтесь; продолжайте забавляться по-прежнему; я знаю по арифметике, что этого никогда не случится.

Впервые: Северная пчела. — 1833. — № 209 — 210.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КЛАД

Кто говорит, что наши времена прозаические? Кто смеет утверждать, что в нынешних наших нравах нет поэзии?.. Одни только вандалы, варвары, классики, люди без сердца и воображения, | в голове которых, под мрачными, холодными, отягощенными сутробом старых теорий соломенными черепами оледенелые понятия висят длинными сосульками, как снеговая вода под дымною крышею хижины. Не верьте им, читатели! Мы живем в век баснословия и волшебства; мы окружены правдою высокою, блистательною, загадочною, чудесною, темною, таинственною, арабскою, волшебною, донкихотскою, поэзиею торговых балансов, табелей преступлений, банков, долгов, конкурсов, опеки, бюджетов, отчетов, выставок, несчастных принцесс, богатых племянниц, продажей с молотка, португальских дел и заколдованных кладов. Чувствуете ли вы эту поэзию?.. Я сильно ее чувствую; мое сердце исполнено ее красот,

душа моя дышит и живет ею. Я давно умер бы со скуки, если бы на свете не было политической экономии, прибавлений к «Санктпетербургским ведомостям», Блейской крепости, корабля «Дон-Иоао»[20] и заколдованных кладов. Но я в особенности восхищаюсь последними, потому что страстно люблю поэзию «Тысячи одной ночи», люблю все таинственное, волшебное и теперь крайне нуждаюсь в деньгах.

Пособите мне, ради бога, открыть хоть один заколдованный клад, число которых всякий день умножается: водь вам деньги тоже нужны!..

Я знаю много таких кладов; знаю, где они схоронены; приведу вас на место, укажу пальцем — только пособите мне до них добратся; с тех пор, как ищу занять денег, я приобрел удивительное искусство открывать местопребывания тайных заповедных сокровищ; глаза мои за пять и за шесть верст примечают блудящий огонь, вьющийся над их могилою; мои ноги, истоптав все тропинки, ведущие к чужим капиталам, прямехонько несут меня в ту сторону; бегу, прибегаю, смот-

рю: вижу клад, вижу его сквозь каменные преграды, сквозь дерево конторки, сквозь кожу портфели; вижу так ясно, что мог бы пересчитать все его бумажки; не лишь только зашевелюсь, чтоб коснуться его рукою, он мигом исчезает, потому что он клад заколдованный. Однако ж я не имею в виду грабить клады, ни брать их насильно — хочу только взять часть их взаймы; даю вексель, даю хороший процент вперед за два года и верное обеспечение, и все это ни к чему не служит! Клад никак не хочет выступить лицом к свету. Научите же меня, если вы искусные чародеи, как истребить странный заговор, которым он огражден, как стеною? Чем уничтожить колдовство? Каким путем проникнуть, до очевидных для глаз и неприкосновенных для руки денег?..

Пожалуйте со мною в Летний сад: я покажу вам несколько мест, где лежат эти клады. Пойдем по большой аллее.

Вот на чугунном диване сидит уединенно волхв в синем сюртуке и шляпе с широкими полями и рисует палкою на песке чародейские фигуры: 8288 — 8288 — 8288... Знаете ли,

что это значит?.. Это значит, что здесь есть клад 207 200 рублей наличных, чистогану. Таинственные числа 8288 суть банковый процент, по 4 на 100, от этой суммы. Положив ее в банк на неизвестного, может он получить в год только по 8288 рублей: это мало, но что делать!.. По крайней мере оно безопасно. И так видите, что я мигом открыл сокровище. Но протяните к нему руку — оно вдруг исчезнет; попросите дать вам займы хоть двадцать тысяч под самый верный залог и на восемь процентов — волхв посмотрит на вас недоверчиво и скажет вам со вздохом: «Откуда у меня быть деньгам! Я получаю полторы тысячи жалованья: этим не наживешь капиталов! Теперь не то, что бывало прежде!.. У кого завидят копейку, на того тотчас взводят подозрения. Загляните в мой послужной список: за мною не значится никакого имени, и служу чисто». Вот и пропал клад!.. Однако ж сами вы видели 8288!..

Посмотрите на этого другого колдуна, который стоит пред статуею Юстиции, погруженный в глубокую думу: он молит доходную богиню, чтоб она сделала невидимыми день-

ги, которые по своей благодати ниспосылает ему, недостойному рабу ее. Он уже заговорил свой клад: теперь и сом черт до него не доберется.

Вот идут два толстые чародея: они известны своим коварством в целом околотке, и добрые люди боятся даже встретиться с ними, потому что, как гласит общее поверье, черт тайно переносит деньги из чужих карманов в их засаленные портфели, лишь только взор их коснется чужого кармана. Послушайте мимоходом их рассуждений: увидите, что они колдуют. — Итак, вы говорите... — Я говорю, что на свете на все есть средства. Но прежде были имения благоприобретенные? А теперь есть имения благоприпрятанные. Конечно, оно выходит почти...

Ну, не говорил ли я вам, что они колдуют?.. И я уверен, что вы не поняли ни одного слова в их разговоре, потому что все эти слова таинственные и относятся к глубокому чернокнижию. Пот еще один колдун, в серой шинели!.. Вот другой, в зеленом фраке!.. Вот третий, четвертый и пятый... Согласитесь же сами, что мы живем в волшебном мире, в самом поэти-

ческом веке, какой когда-либо существовал в Европе со времени сожжения в Испании последней толедской колдуньи, донны Мархиты, которая, как доказано по суду инквизиции, круглый год несла куриные яйца.

Но вот и самый страшный волхв, с огромною плешиною, длинный, тощий, бледный, с сухим сердцем и красным носом, в поношенном фраке и изломанной шляпе. Это дракон, вечно лежащий на заколдованном кладе и своею пронизательностью беспрестанно уничтожающий хитрости кружащихся около него любителей денег с готовыми векселями и закладными в руках. Это воплощенная двестирублевая бумажка. На тусклой, покрытой серою сеткою пленке глаз его мелькает волшебная надпись: «Объявителю сей ассигнации Государственный банк платит» и прочая; и другие колдуны почтительно снимают перед ним шляпу, потому что колдовство его сильнее их заговоров и в удобном случае в состоянии даже перетянуть деньги из их кладов в его клад. Я дивно имею его на примете, не никак не могу обмануть его бдительности и вытащить из-под него заветные сокровища.

Несколько раз я уже держал их в горсти, и они молнией из нее исчезали. Однако ж нельзя сомневаться в их существовании. Рассмотрите его со вниманием: он имеет все признаки существа, одаренного высокими деньгами.

Во-первых, он долго занимал весьма выгодное место; за ним, ни за его женою нигде не показано ни родового, ни благоприобретенного имения, и он всегда горько жалуется на свою бедность. Следственно, у него есть деньги.

Во-вторых, он играет в карты не маленькой; сядясь играть, повторяет три раза, что он не в состоянии проигрывать много денег, и, проиграв, почти плачет с отчаяния. Прежде жилал он летом на прекрасной даче, теперь стал гулять в Летнем саду. Следственно, у него есть хорошие деньги.

С тех пор, как прикинулся несчастным, он более и более делается загадочным. В его доме, на стенах господствует нищета, а на столе отличное вино. Он упразднил у себя ливрею и на своем лафите прилепил карточку с надписью: «Медок». Несмотря на скромность его

одежды, самодовольство отражается в его улыбке, гордость его усиливается и многих уже называет он дураками. Следственно, у него есть большие деньги.

Он уже начинает поговаривать о трудности службы и о потере своего здоровья. О, ежели так, у него должны быть огромные деньги!..

Но зачем ломать голову догадками и соображениями, когда все знают, что у него есть деньги: только они заколдованы. Вы не можете себе представить, каких не употреблял я средств, чтоб подкопаться к его кладу, и все мои попытки остались бесполезными.

Я дал ему уразуметь, что желаю жениться на его дочери. Он был в восторге и среди самого восторга, сделав прежалкое лицо, сказал мне, что за его дочью не будет никакого приданого.

Я тесно подружился с его начальником, чтоб внушить ему мысль, что могу быть ему полезным. Он тотчас прибежал ко мне с жалобой, что на него клеветают, будто у него есть деньги, и просил меня уверить начальника, что скоро умрет с голоду.

И написал поэму и посвятил ему. В посвящении я назвал его умнейшим из приказных и добродетельнейшим из беспорочных. Его самолюбие было тронуту до высочайшей степени. Он разнежился и чуть-чуть не дал мне денег взаймы, как вдруг вспомнил, что между сочинителями есть предатели, и затворился в замороженном кругу безденежья. Никогда не подходил я так близко к его кладу, как путем подстрекнутого самолюбия, но и тут не успел.

Испытывая последнее средство подействовать на его жадность, я предложил ему двенадцать верных процентов. Он выпялил глаза, зажженные чудесным огнем сердечного удовольствия, и долго смотрел ни меня в нерешительности. Но, по несчастью, я произнес роковое слово «нотариус», которое значит почти то же, что «объявление ко всеобщему сведению», и он вдруг воскликнул: «Ей-богу, у меня нет денег!.. Я имею много неприятелей».

Итак, нет никакой возможности пошевелить этот клад! но постойте, вот идет хороший его приятель, которому, говорят, обязан он многим и ни в чем не отказывает. Мысль прекрасная! Через него я непременно исторг-

ну часть клада у этого дракона. Как жалко, что я прежде не догадался употребить его посредничество!.. Деньги давно уже были бы в моем кармане.

— Здравствуйте, Тимофей Терентьевич. Хотите ли оказать мне важную услугу?

— С большим удовольствием..

— Скажите наперед правду: у вашего тощего приятеля, который вон там гуляет в аллее, есть деньги?

— Есть.

— Большие?

— Очень.

— Сделайте же мне благодеяние: достаньте у него для меня пятьдесят тысяч под хороший залог и на такой процент, какой ему угодно.

— Этого не могу я сделать.

— Почему?

— Потому что он недавно был обвинен в том, что нажил на службе огромное состояние, и я отстоял его пред его начальством, дав честное слово, что у него нет за душою ни гроша,

— Исчезла последняя надежда!..

Как тут быть?.. Деньги мне необходимо

нужны; я умру, если не достану денег. Я должен купить себе новую карету, должен дать бал осенью, сжечь теперь великолепный фейерверк на Невке и пощеголять в свое рождение. Это внушает выгодное понятие о способностях молодого человека и открывает путь к отличию. Я брошусь в воду, если не найду денег. Но к какому прибегнуть средству? Чем смягчить свирепого волхва? Еду учиться чернокнижнику, закабалу себя дьяволу, превращусь в огненного летучего беса и выкраду его сокровища.

Нет! Есть другой, гораздо вернейший способ. Иду служить в Уголовную палату; сяду за красный стол, спрячусь за правосудие и буду ожидать его в засаде. Он не минует палаты: тогда я доберусь до его денег!..

Что это?.. «Сенатские ведомости»! Надо прочитать их с досады. Как?.. Неужели?.. Мой дракон уволен от службы по расстройству здоровья!.. Боже мой, какое счастье!!! Поздравьте меня, друзья! Поздравьте от всего сердца: я счастлив, я теперь достану у него денег. Он уволен с пенсионом!.. Теперь все колдовство снято, и клад свободно воссияет пол-

НЫМ блеском, как восстающее из ночной
ТЬМЫ солнце.

Впервые: Северная пчела. — 1833. — № 220.

АУКЦИОН

Объявление: «Продается за отъездом».

Я уезжаю. Это решенное дело! Прощайте, друзья, я еду. Уезжаю далеко, очень далеко, на очень долгое время — навсегда. Оставайтесь здесь в здравии и покое, живите счастливо, пишите вещи, если можете; читайте умные книги, если случается в продаже; смейтесь, когда вам будет скучно, смейтесь и здравствуйте. — Я уезжаю. Adieu, adieu!..[21] Вы не увидите меня более.

Нет! Вы не увидите меня более!.. Мне нельзя жить с вами. Я еду — в вечность!

Говорю вам — я еду в вечность; еду туда, где нет ни времени, ни пространства, ни тел, ни страстей, ни женщин, ни мужчин, ни словесности, ни читателей; где ничего нет — где есть все. Там только я буду счастлив.

Здесь для меня нет места. Мои недоброжелатели говорят, что я дурак и несносен; мои доброжелатели не только говорят, не пишут и печатают: *Умри, Брамбеус!*[22] Никто не хочет жить со мною на этом свете.

Но я умираю правильно, по форме, на законном основании. Я приведу мои дела в порядок, составлю список моим бумагам и имуществу, продам все с молотка; обращу все в наличные деньги; и наличные деньги завещаю моим наследникам, чтоб по моей кончине они могли приступить прямо к мотовству, без лишних хлопот; то ось я не умру, потому что не буду принимать никаких лекарств, ни аллопатических, ни гомеопатических; я попросту еду с земли в вечность, как помещик уезжает из столицы в свою деревню, проиграв справедливое дело, за которым приехал он на короткое время, и просидев тридцать пять лет в трактире. Я также проиграл мое дело с людьми и моими надеждами и подобно ему уеду с приговором людей в кармане и без копейки за душою.

Действуя во всем на законном основании, во-первых, я объявляю в газетах о моем отъезде; во-вторых, продаю все мое достояние с публичного торга.

К отъезду моему, я уверен, препятствия никакого не будет: никто не подаст прошения в полицию о том, чтоб с будочниками задержа-

ли меня на сем свете как человека, необходимого для общества. А как скоро я извещу, что за отъездом продаю мое имущество по сходным ценам, все мои друзья явятся к Тамизье, чтоб купить мое достояние за бесценок. Добрые друзья!.. На них-то я особенно полагаюсь в этом случае.

Итак, нечего терять дорогого времени. Надо приступить скорее к продаже всего, что составляет мою собственность. Господа! Кому угодно торговаться? Кто хочет купить хорошие, отличной доброты вещи разного рода за самую умеренную цену? Прошу, покорнейше прошу в аукционную залу, к Тамизье, в дом 1-й адмиралтейской части 2-го квартала, под № 189! Начало в десять часов утра! Все готово, устроено!.. Прошу приходить скорее!.. Кто надбавит несколько копеек, тот возьмет, что угодно! Сюда, честные господа!.. Разные вещи продаются за отъездом!

Разные вещи!.. но где они у меня? Одна оловянная чернильница, полдести бумаги[23], два старые исписанные пера! Платье, которое на мне!.. Вот все мое достояние. В этом платье я поеду в вечность, в нем лягу в почто-

вую кибитку, сколоченную из четырех досок, чтоб по крайней мере прилично явиться в холодной и безмолвной гостинице, откуда люди отправляются все в одну сторону, никогда не следуя назад. Я не могу продать платья. За мою чернильницу, за мои перья никто не даст копейки: впрочем, кроме этого, хозяин дома не получит с меня ничего более за недоплаченный ему наем моей квартиры, в которой всегда господствовали величайший порядок и совершенная опрятность — отсутствие всякой собственности! Нищета! Кто хочет купить мою нищету?.. Господа! Продается нищета!.. Раз!.. Нищета честная, без хлопот, без угрызения совести, лучшего разбора, не запачканная завистью, не подержанная тасканием по передним... Нищета! Раз, два!.. Купите, господа, нищету!.. Хозяин был весьма доволен ею!.. Раз, два!.. Будете с нею счастливы! Она дорога, но приятна, в лучшем вкусе, чрезвычайно отрадна и удобна! Хозяин никогда бы не расстался с нею, но она теперь ему не нужна: он уезжает. Раз, два!.. В последний раз! — За отъездом продается — честная нищета!.. Раз, два... три!

Никто не купил нищеты! Она остается за мною. Тем лучше: я завещаю ее тому, кто в течение будущего года напишет самую умную и полезную для людей книгу на земном шаре.

О Бюффон[24]! О великий пророк естества! Ты, который своим огненным, торжественным красноречием захотил меня быть человеком; который, восхищаясь выпреними качествами моего рода, возвысил меня в собственных глазах моих, который меня уверял, что я благороднейшее и священнейшее творение в мире, что я царь природы, что все создано лишь для меня! Бюффон, покажи мне мое имущество на этой земле, которую так хорошо знаешь, на которой обыскал ты все уголки, тайники и норы! Покажи мне его, мой панегирист, мой льстец, мой наперсник, коварный царедворец моего величества! Покажи, хитрый француз: я теперь от тебя не отстану... Где мое достояние?.. Говори! Ты отвечаешь, что весь свет принадлежит мне, как человеку. Постой: дай прочитать несколько страниц твоих доказательств... Правда! Ты прав!.. Свет бесспорно принадлежит мне: это моя неотъемлемая собственность, я ношу в моей бес-

смертной душе жалованную грамоту Божества на это огромное, великолепное поместье, я законный владелец Света. Как же я не догадался об этом прежде?.. Да, великий Бюффон! Свет, очевидно, мой! Эй, дворник! Дворник!.. Ко мне! скорее!.. Приведи сюда с биржи ломовые сани! Только как можно пошире... Скорее, братец! Получишь на водку!.. Помоги мне взвалить Свет на сани!.. Славно! Прекрасно!.. Вези же его теперь к Тамизье: я иду за вами.

— Господа! не уходите!.. Начинается аукцион. Прошу садиться вокруг стола! За отъездом продается Свет! Свет, который все вы знаете и любите! Свет, лучший из всех созданных светов: пестрый, красивый, звучный, замысловатый, единственный Свет в мире!.. Владелец никогда бы не решился продать его с молотка, не случились обстоятельства... Он продается за ненадобностью. Кто хочет купить Свет гуртом?.. с тарою?.. с кулем и веревками?.. с болотами, чухонцами и французами?.. Гуртом покупать выгоднее. Правда, тут есть много беспутного и беспокойного: зато дешево отдадим. Кто хочет купить?.. Так будем торговаться по частям.

— Статья первая. За отъездом продаются люди! Кому угодно купить людей за бесценок? Все молчат?.. И справедливо: к чему покупать весь род человеческий! Женщинам не нужны женщины, мужчинам не нужны мужчины, кроме нужных людей! Но женщины, может быть, купят мужчин; но мужчины, может статься, пожелают набавить копейку на женщин? Итак, предлагаются почтенному собранию наперед женщины, а потом мужчины. Нужных людей будем продавать особою статьею, потому что они дороги.

За отъездом продаются мужчины! Милостивые государыни! Не угодно ли которой-нибудь из вас купить всех мужчин вместе?.. Мужья, женихи, любовники, богатые старичишки с притязанием на любовь, юноши, промотавшие для вас богатства и силы, — все отдаются за самую умеренную цену. Я обманывать вас не стану: говорю вам чистосердечно, что между нами есть тьма, — может статься, половина — а может, и три четверти — домашних тиранов, закоснелых изменников, скряг, мотов, разорителей, ревнивых, грубиянов, рогоносцев, дурных мужей, дурных лю-

бовников, дурных собою, кругом дурных и негодных; не в этой куче бритого и небритого пароду вероятно найдется и что-нибудь хорошее. Ежели ваше счастье заключается в мужчинах, оно непременно должно быть в этой груде мужеского пола. Как не купить счастья хоть в куче!.. И как я продаю их не на спекуляцию, а только за ненадобностью, за отъездом в чужие миры, то предоставляю вам, сударыни, самим сделать оценку мужчинам: какую цену вы назначите, с тон начнем и торговаться. Подумайте, согласитесь между собою и решите!

— Восемь гривен!

Восемь гривен! Возможно ли, сударыни?.. Вы меня разоряете! Восемь гривен за всех мужчин!..

— За одного иногда можно дать и миллион, голубчик; но за всех вообще и восемь гривен, право, хорошая цена.

Ну что делать!.. Я предоставил вам самим определить первую для торга цену, надеясь на ваше великодушие; теперь отказаться от своего слова неловко. Извольте: мужчины — восемь гривен! Кто пожалует более?.. Мужчи-

ны — восемь гривен. — Восемь... гривен... все мужчины!.. Раз!..

— Восемь гривен с копейкою!

Восемь гривен с копейкою! Кто более?.. Восемь гривен с копейкою за всех мужчин!.. Раз, два!

— Две копейки!

Восемь гривен и две копейки за всех мужчин земного шара!.. Сударыни, как вам не стыдно! Никто из вас не хочет купить мужчин даже за половину цены!.. Восемь гривен и две копенки! Они самому мне дороже стоят. Я думал, что вы их вгоните в миллионы рублей, а тут только две старухи торгуются на них, набавляя по копеечке. Восемь гривен и две копейки! Кто более?.. Раз!.. два!.. тр...и! Сударыня, товар за вами.

Старая баба купила весь мужской пол нашей планеты!.. Что будете вы с ним делать в ваших летах?..

— Что ж мне из него делать, голубчик! Я из твоих мужчин наделаю миллионы племянников да внучат и пущу их в оборот. Они все в массе более ни к чему не годятся!

За отъездом продаются женщины! Госпо-

да! Просим сюда поближе! Кому угодно торговаться на женщин? Но я уже не предоставляю вам делать им первую оценку. С досады на них за то, что они оценили всех нас в восемь гривен, вы в состоянии назначить им первую цену в две копейки и разорить меня в конец. Если б я хотел, по крайней мере, возвратить себе те деньги, которых они мне стоили, я оценил бы их очень дорого, но я чужд всякой жадности и продаю мой Свет по внутреннему достоинству составных его частей. Итак, я ценю всех женщин, молодых и старых, прекрасных и гадких, тихих и крикливых, кротких и царапчивых, с верностью, с нежностью, с легкомысленностью, с добродетелью и с капризами — в полтину серебром; кажется, не дорого?.. Женщины, сиречь, прелестный пол, два рубля! Кто пожалует более?..

— С полтиною!

Два рубля с полтиною! Милостивые государи, извольте надбавлять великодушнее. Вот этот бледный, тощий господин, который уже прельщен ими, дает два с полтиною: так сколько же должны дать за них вы, юноши краснолицые, белоусые!.. Два рубля с полти-

ною! Не бойтесь: женщины вас не проведут, не расстроят вашего состояния, не изменит вам, не навлекут на вас огорчений — я продаю их со всею их верностью, со всею заключающеюся в них слабостью...

— Пять рублей!

Вывший наш судья, человек седой, почтенный, знающий цену вещам и деньгам, дает уже пять рублей. Господа, пять рублей: раз!..

— С гривною!

Пять рублей с гривною!.. Юноши! Не пропускайте случая. Вот деловые люди дают пять рублей и десять копеек: они знают цену женщинам. Если они купят всех женщин, увидите, как у них пойдут дела — а вы останетесь без любовниц, без любви, без счастья!.. Решитесь, молодые люди!

— Шесть рублей!

— Bravo, розовый молокосос! Господа, шесть рублей!.. Следуйте примеру этого молодого человека: ему едва семнадцать лет от роду, а он уже дает за женщин шесть рублей. Погорячитесь, надбавляйте! Женщины, со всеми добродетелями и полным прибором немного счастья, шесть рублей! Кто более?..

Шесть рублей, раз, два!.. Надбавляйте, господа, не скупитесь: не то оставлю весь товар за мною. Я возьму женщин с собою на тот свет; вы останетесь без женщин и на другой день передумаете друг друга. Вы скупы, набиты льдом и себялюбием, не достойны иметь женщин на земле!.. Увидите, что я унесу их в другой мир! Одно, что стоит взять с собою с сего света на тот свет, это женщины... Шесть рублей!.. Надбавляйте!.. Шесть рублей, раз, два!.. Шесть... ру... блей!.. Раз!.. два!.. тр... и! — Молодой человек, подавайте шесть рублей и берите себе всех женщин.

— Не угодно ли записать: я внесу деньги.

— Очень рад! Чин ваш, имя, фамилия?

— Джон Кокоасон, иностранец, великобританский подданный.

— Где изволите жить?

— В английском магазине.

— Вы приказчик из английского магазина?.. Вы купили весь прекрасный пол нашей планеты на счет гг. Плинко и комп.?.. Дешево же вы купили! Если б я наперед знал...

— Как! Дешево? Поверьте, сударь, что тут нет ни гроша прибыли. Это настоящая цена.

Шесть рублей — аршин лучшей модной ленты, и шесть рублей...

Вот видите, господа! Вы не хотели ничего надбавить: теперь все женщины проданы гуртом в английский магазин!.. Если кому понадобится достать себе одну — знаете дорогу. Покупайте их теперь поодиночке в английском магазине: увидите, как всякая из них, даже самая пустая, дорого вам обойдется!.. Неблагодарные посетители аукциона!.. Уступили такой товар иностранцам!.. И что я выручил за весь род человеческий? — 6 рублей и 82 копейки! — И от кого? — От тех же людей... от мужчин за женщин, от женщин за мужчин!.. Не высоко же ценят они друг друга!

Господа! Теперь, за отъездом, продается правосудие! Кто хочет дешево купить такую нужную вещицу?.. Я продаю с молотка правосудие: извольте торговаться.

Придвиньтесь, честные господа, к столу поближе, благоволите хорошенько осмотреть товар. Продается правосудие всего земного шара!.. Первая цена — пять рублей — попросту, синенькая бумажка! Это самая сходная, самая умеренная, настоящая цена. Кто пожа-

лует более?..

— Десять рублей!

Десять рублей за правосудие всей нашей планеты! Это немного!.. Кто пожалует более?..

— Пятьдесят! — Сто! — Сто сорок пять!

Сто сорок пять рублей за правосудие!.. Гоните, господа, гоните!

— Двести пятьдесят! — Тысяча!..

Уже дают мне тысячу рублей за правосудие: не отдам за тысячу! Кто более?.. Торгуйтесь, честные господа! Кто покупает правосудие, тот никогда не жалуется на недостаток правосудия в свете. А!.. вы, сударыня, улыбаетесь?.. Вы улыбаетесь прелестно, и я знаю, что вы хотите сказать этим: вы на тысячу рублей надбавляете улыбку и хотите улыбкою купить правосудие. Нет, извольте надбавлять сотенку рубликов: я продаю его не иначе, как на чистые деньги...

— Две тысячи! — Десять тысяч! — Сто тысяч!

— Пятьсот! — Шестьсот! — Миллион!..

Миллион дают за правосудие! Кто более?.. Сколько охотников купить то, что положено отпускать даром!..

— Полтора! — Два миллиона!

Два миллиона, чтоб только достать правосудие!.. Гоните еще выше: оно, право, стоит этих денег...

— Два миллиона и рубль!

Два миллиона и рубль! Раз!..

— И два рубля!

Два миллиона и два рубля! Раз, два!.. Кто более!.. Раз!.. два!.. тр...и! Извольте, отдаю. Я не хочу вас разорять на правосудии. Но, милостивый государь, осмелюсь спросить вас, какими деньгами намерены вы заплатить мне за правосудие — ассигнациями, золотом или серебром?

— Не угодно ли вам принять от меня взятками?

Это уже, наверное, старый... хорошо, я беру взятки, только по надлежащей оценке. В оценщики возьмем пятерых опытных подъячих, и какую они назначат цену... Ах, я устал!.. Пусть аукционист ведет вместо меня торг по другим статьям и записывает в книгу последнюю цену и звание покупателя: я пойду прогуляться.

Надул же я их! Они заплатили мне два

миллиона и два рубля за свое правосудие, тогда как за самих себя положили только, вместе с женщинами, 6 рублей 82 копейки!.. Разгадайте же, прошу, их своенравие! Я хорошо делаю, что съезжаю с сего света: ей-ей, тут нет толку!.. И они думают, что много выиграли, купив все человеческое правосудие!.. Не надо выводить их из заблуждения.

Как бы то ни было, не я вижу, что правосудие есть самая прибыльная статья в этом мире. Бьюсь об заклад, что за все остальные части сего Света не выручу и половины этой суммы.

Но пора воротиться к Тамизье и посмотреть, как идет продажа моего Света. Вот уже ночь. Аукцион, быть может, кончился, и аукционист наделал глупостей. Я забыл сказать ему, чтоб он человеческую славу продавал при свечах; при дневном свете на ней приметно множество пятен.

Ну, что, сударь? В каком положении мои дела?.. Покажите мне книгу.

Ум продан за 7 копеек. Очень выгодно. Я не надеялся столько. Купил его один барышник.

Словесность — куплена в Гостиный двор, по 50 рублей с печатного листа.

Науки — куплены обществом немцев для мелочной ими торговли. Заплачено — пуд табаку. Мало!

Слава — куплена шарлатаном. Получено 10 рублей задатку, 18 рублей 25 копеек осталось за ним в долгу. Так и есть, что он продал славу днем! Никто не хотел торговаться, увидев ее при солнечном свете, и шарлатан купил ее за безделицу. А при свечах куда как она хороша.

Авторская знаменитость — куплена дурным писателем. Не хочу даже знать, за какую цену!..

Счастье... Что вы сделали с счастьем? Зачем не пустили его в продажу? Где оно?

— Сказать вам правду, сударь, его украли!.. Тут такая тьма народу!

Ох, боже мой! Украли счастье!.. А на него-то полагал я все мои расчеты! Я надеялся получить за него огромные деньги... Пусть же и так: несдобровать этому негодяю, который его спроворил. Он думает, что со счастьем будет счастлив? — не на то оно придумано!..

Теперь, господа, аукцион кончен. Как скоро счастье украли, остального и продавать не стоит — отдаю вам его даром. Что же вы еще смотрите? — Говорят вам, аукцион кончен, и Свет распродан!..

Впервые: Северная пчела. — 1834. — № 6 — 7.

1833-1834 гг.

Примечания

Палатин (палантин) — женский широкий, обычно меховой или бархатный шарф, накидываемый на плечи.

[^^^]

Басон — плетеное изделие, идущее на украшение одежды, мебели (шнур, тесьма, бахрома).

[^^^]

Блонды — кружева.

[^^^]

4

не бегите так быстро!.. Надежда! вы жеман-
ны, как (*фр.*).

[^^^]

5

вы прыгаете, мой маленький голубок, как (фр.).

[^^^]

...она плакала в театре при представлении «Антонии», «Филиппа», «Матери и дочери — соперниц»... — Имеются в виду ходовые пьесы репертуара русских театров первой трети XIX в., причем последняя — «Мать — совместница дочери» (1772) — комедия А. П. Сумарокова.

[^^^]

Камергер — старшее придворное звание в дореволюционной России (для лиц, имевших чин 3-го и 4-го класса).

[^^^]

«Антракт» (фр.)

[^^^]

**Веллингтон Артур Уэлсли (1769-1852) —
английский полководец и государственный
деятель, защищавший идеи крайних тори.**

[^^^]

«Билль о преобразовании парламента», упоминаемый Сенковским, — законопроект 1832 г., изменивший избирательную систему в пользу средних классов.

[^^^]

Берд К.И. – промышленник, владелец крупнейшего чугунно-литейного завода в Петербурге.

[^^^]

12

Пиявка отстанет от кожи, только выпив всю кровь (лат.)

[^^^]

...вельможа в случае... — фаворит, приближенный к особе монарха.

[^^^]

Герольдия — ведомство по делам, касающимся родословных привилегий и титулов.

[^^^]

Да, моя дорогая... (фр.)

[^^^]

Дюпен Пьер Шарль (1784-1873) — французский математик и экономист, почетный член Академии наук.

[^^^]

***Во втором веке — неточность Сенковского:
извержение Везувия произошло в 79 г. н. э.***

[^^^]

Чимборассо (Чимборазо) — вершина Анд, потухший вулкан (Эквадор); высота 6262 м.

[^^^]

...деревянную штофную лавку... — Штоф — русская мера емкости, равная 1/10 ведра. Штофными лавками назывались специализированные питейные заведения.

[^^^]

...Блейская крепость, корабль «Дон Иоао»
— указание на
газетные заметки, посвященные в порту-
гальским делам» 1833 г.

[^^^]

Прощай, прощай! (фр.)

[^^^]

«Умри, Брамбеус!» — намек на фразу Ф. В. Булгарина, который в разборе «Фантастических путешествий...» приложил к Сенковскому слова Г. А. Потемкина к Фонвизину: **«Умри, Денис! Лучше не напишешь!»** (Северная пчела. — 1834. — № 2).

[^^^]

*...полдести бумаги... — десть — единица
счета писчей бумаги (44 листа).*

[^^^]

***Бюффон* Жорж Луи Леклерк (1707 — 1788) — французский естествоиспытатель, автор 36-томной «Естественной истории».**

[^^^]